

Татевик Гамбарян

16+

Мне бы в небо

Часть 2
Там, где не видно звезд

Татевик Гамбарян

Мне бы в небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32842190

SelfPub; 2019

Аннотация

Вторая часть романа посвящена возвращению домой. Аврора после встречи с людьми, живущими на берегу моря и занявшими в её сердце особый уголок, возвращается туда, где "не видно звёзд", в большой город В. Там её ждут горячо и преданно любящий Гай, работа в издательстве, недописанная книга. Аврора не без труда вливается в свою прежнюю жизнь, но временами отдаётся воспоминаниям о шуме морских волн и о Франце. В эти моменты она даже представить не может, насколько близка их следующая встреча. Лето медленно переходит в осень, привязанность – в тягость, а дружба – в признание.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мы не решаем, что нам чувствовать, — мы чувствуем, что можем, чем запаслось сердце, то и идет в ход, а мое сердце все еще полно тобой.

Фредерик Бегбедер «Уна & Сэлинджер»

Глава 1

Мой город встречал меня дождями. Пришлось сверху футболки надеть теплый кардиган, закутаться в него и ждать. Вокзал опустел, толпа рассеялась, осталась я со своим чемоданом, промокшая и уставшая, с остывшим стаканчиком кофе в руке. Ноги в открытых босоножках промокли, к горлу подступил сухой кашель. Мне хотелось плакать. Не знаю, от чего именно. Я почувствовала какую-то безысходность, одиночество. Такой большой город, так много людей, а я одна посреди этой серости.

И как только передо мной возник силуэт мужчины в клетчатой рубашке, аккуратно заправленной в брюки, я расплакалась. Он обнял меня, а я прижалась к нему всем своим замерзшим телом. И на душе стало спокойнее. Я теперь дома, и здесь он – Гай, теплый и уютный.

Мы, наверное, нелепо смотрелись с ним со стороны: важный, деловой мужчина и растрепанная, промокшая до ниточки девушка, с размазанной тушью и дрожащими коленками. Вокруг ни души, только крупные капли дождя, с силой бьющиеся об асфальт, звук приближающегося поезда, и где-то вдалеке бродячая собака, скрывающаяся под железными лавочками.

Я отдала этой собаке всю еду, которую мама аккуратно сложила в мою сумку, и, взглянув в грустные глаза, поглади-

ла ее по мокрой морде. Сзади нас злился Гай, но он выглядел слишком замученным, чтобы что-то говорить. Только, когда мы сели в машину, он вежливо протянул мне влажные салфетки и попросил вытереть ими руки.

– Прощу тебя, Аврора, больше не трогай уличных животных, от них можно подцепить какую угодно заразу, – сказал он и завел машину.

Теперь я проснулась окончательно. Моя привычная жизнь снова со мной, и в ней голос Гая, тихая музыка, играющая в его машине, длинные дороги, у которых нет конца, магазины со светящимися вывесками, модно одетые люди. Я смотрела в окно и так ждала вида моря, но перед глазами мелькали только многоэтажки, бутики и рестораны. И никаких волн, бьющихся о берег.

Ты уезжаешь на два месяца из своего родного города, а приезжаешь в совершенно чужой. Такое может быть, если только родной город – родной, только потому, что ты там родилась.

Проходит время, и ты обязательно возвращаешься... только без души. Она остается в совершенно другом месте. Наверное, абсолютное счастье выглядит так – в своем любимом городе и со своими любимыми людьми. Но такого не бывает.... Если и бывает, то ты вскоре просыпаешься, потому что сон не может длиться дольше, чем жизнь.

Я сидела напротив яркого монитора и старалась сосредоточиться на романе, который мне приходилось редактировать. Перед глазами мелькали слова и предложения, никак не связывающиеся между собой по смыслу. Собственные мысли не давали приступить к работе.

В кабинете становилось душно. Я встала и приоткрыла окно. Небо заволокло серыми тучами, мелкий дождик моросил по крышам. За всю пасмурную неделю ни разу не выглянуло солнце, и я ощущала, как меня заключает в свои объятия преждевременная осенняя хандра.

В дверь постучались, и через секунду на пороге появилась высокая блондинка с красной помадой, одетая в стиле восьмидесятых. Это была Софи.

– Аврора, давай выпьем кофе? А то я сейчас впаду в глубокую депрессию. Глаза закрываются, в своих мечтах я уже давно дома, сплю, закутанная в теплое одеяло, – она села на мое рабочее место и повернулась вместе со стулом ко мне.

– Даже не знаю, у меня так много работы накопилось, – сказала я, сев на подоконник, – даа, выглядишь неважно. Опять всю ночь гуляла?

– Ооо, – вздохнула она, ехидно улыбнувшись, – не то, чтобы гуляла. Познакомилась в кафе с мужчиной, и мы всю ночь катались по городу на его шикарной машине.

– Теперь все понятно.

– Нет, ты даже не можешь себе представить, какой он. Красавец, богатый, конечно, ему лет пятьдесят, но возраст

для меня не имеет значения.

– Даже если бы ему было шестьдесят?

– Пусть, но при условии, что он сможет доставить мне удовольствие, – снова эта самодовольная ухмылка нарисовалась на лице Софи.

Я решила промолчать. С Софи можно было весело провести время иногда, но не более того. Наши интересы во многом расходились, ей нравилось наряжаться и почти каждый вечер заваливаться с подругами в какой-нибудь бар или клуб, а я предпочитала театры и кино. Но, несмотря на свой ночной образ жизни, Софи любила книги и творческих людей. С ней можно было обсудить Гюго, фильмы с Одри Хепберн и классическую музыку. Вообще, эта двадцатишестилетняя девушка меня всегда удивляла своим неординарным и противоречивым характером.

– Ладно, пошли пить кофе, – я спрыгнула с подоконника, взяла сумку и обернулась к Софи, – готова?

– Да, – она поправила яркую зеленую юбку, которая задралась вверх, – пошли в кофейню, здесь недалеко.

– Ну, рассказывай, как съездила к родителям? – блондинка откинулась на спинку стула и посмотрела на меня, – тебе так идет загар.

– Хорошо. До сих пор не могу поверить в то, что все-таки вернулась.

– Не хотела возвращаться?

– Не хотела.

– И не надо было. Человек должен быть там, где ему хорошо, вроде так говорится?

– Почти. Но у меня другой случай. Работа, квартира, Гай и многое другое.

– Я тебя умоляю! – Софи повысила голос, чем обратила к себе внимание почти всех посетителей кофейни, – квартиру можно продать, с работы уволиться, а с Гаем расстаться.

– Не могу поверить, что ты так просто говоришь об этом.

– Да, говорю. Квартира и работа не должны тебя держать здесь. А вот Гай... с ним сложнее, конечно. Но я всегда думала, что он тебе не пара, уж прости.

– Почему? – удивилась я.

Софи никогда не говорила мне об этом. Возможно, потому что я старалась не обсуждать с ней свою личную жизнь. Да и не только с ней... мне не нравилось говорить с другими людьми о Гае и о себе.

– Не знаю. Он какой-то странный. Нет, безусловно, хороший парень, любит тебя, но знаешь, в его глазах какая-то дикость, когда ты рядом. Будто он одержим тобой.

– Он любит меня, в этом все дело.

– Любит, конечно. Но любовь бывает разной, согласишься? Иногда мужчина смотрит на свою возлюбленную с нежностью и теплотой, иногда с желанием обладать ею, а иногда с какой-то безумной привязанностью и одержимостью. Последних я боюсь больше всего... Никогда не знаешь, что

можно ожидать от таких чувств.

– Ты говоришь о Гае так, словно он сумасшедший, – я усмехнулась, – поверь, он не зависит ни от кого. Я не встречала более независимого человека, чем он... Так что, давай поменяем тему. Я не могу уехать отсюда, как бы сильно мне этого ни хотелось. Здесь есть человек, с которым я могу построить свое будущее, который заботится обо мне. А там совсем по-другому. Не представляю, кем бы работала в деревне, а родителям не хочется причинять лишние неудобства. Да и напечатать свои книги возможно здесь, в городе. Там даже нет типографии.

– А что там есть? – Софи отпила свой латте, – расскажи.

– Там есть море... – я погрузилась в приятные воспоминания, которые вызвали улыбку на лице, – есть замечательные люди...

– Так-так, а можно подробнее про людей. Что за довольная физиономия у тебя?

– Софи, не начинай.

– И щечки зарумянились, – засмеялась блондинка, приблизившись к моему лицу, – что-то интересное произошло там, ох, чую я.

– Ты бредишь, – засмеялась я, закрыв лицо от ее пристального взгляда руками, – не смотри так на меня.

– Понятно все. Но рано или поздно я докопаюсь до истины, ты ведь меня знаешь.

Мне осталось отредактировать несколько страниц печатного текста. Я отпила глоток остывшего чая, в котором плавал кусочек выжатого лимона, и сонно уставилась на монитор. Какой-то современный автор писал о психологии мужчин и женщин, ссылаясь на теорию Фрейда, делал заключения о том, что со временем ничего не меняется, духовная составляющая уходит на второй план, над людьми доминирует физическое влечение, на первом месте тело, желание обладать другим человеком. Во мне просыпался бурный протест против всего того, что писал этот человек, хотелось позволить ему и возмутиться, сказать о том, что не все люди такие ущербные, какими он их описывает.

Чтобы отвлечься от всего этого, я взяла в руки телефон и открыла папку с фотографиями. Вот и все впечатления, собранные здесь...

Что такое жизнь? Это череда впечатлений. Тех, которые мы осознанно или неосознанно собираем в памяти подобно альбому с фотографиями, а потом листаем его, вникая в эти моменты, навсегда ушедшие от нас. Это единственное, что останется с нами и после жизни.

На этом фото мы с Валери под каштановым деревом в первый день знакомства. Она прижалась ко мне так, словно мы с ней давно знакомы. И с Луисом у нас много фотографий, везде он строит смешные гримасы, щекочет меня, что-

бы я плохо получилась на фото. А вот моя любимая... Тео, Франц, Валери, Луис и я, нас снимал Жак в последний вечер около костра... пусть и на фото почти не видно наших лиц, но кажется, что глаза блестят у всех от счастья.

Я уехала от них почти четыре дня назад... и уже скучаю. Начала скучать сразу после того, как вышла из поезда. Мы каждый вечер разговариваем с Валери по телефону, с Луисом, Францем и Тео я ежедневно переписываюсь в социальных сетях, но все равноощущаю острую нехватку в общении с ними.

Стоило мне отложить телефон в сторонку, как на экране появилось оповещение о новом смс-сообщении. От Франца:

Привет, Аврора. Как дела? Я сегодня бегал с утра по побережью и думал о тебе. Жаль, что ты уехала.

Привет, Франц. Я теперь тоже бегаю по утрам, правда под мелким дождем и в ветровке. И тоже думаю о тебе. О вас всех.

Я нажала «отправить», и, снова убрав телефон, приблизилась к монитору. На этот раз на панели управления появился значок в виде конверта. Я нажала на него.

Франц: увидел, что ты онлайн и решил написать здесь, не мешаю?

Аврора: нет, мне не хочется работать

Франц: часто думаешь о нас?

Аврора: да

Франц: а о ком чаще всего?

Аврора: какой ответ ты хочешь услышать?

Франц: догадайся

Я сползла по спинке стула, улыбаясь, а в душе нарастала буря. Я провела влажными от волнения ладонями по волосам и посмотрела в окно. Вечереет. Скоро за мной заедет Гай...

Франц: ты так долго думаешь?

Аврора: нет, просто пить захотелось

Франц: а на вопрос ответишь?

Аврора: о Валери больше всего думаю

Франц: точно?

Аврора: наверное

Франц: а я о тебе думаю постоянно

Аврора: будь осторожен, так и влюбиться можно

Франц: поздно, я уже влюбился

Я отвернулась от монитора. Наверное, никогда в жизни мое сердце так не стучало. И я боялась, как бы оно и вовсе не остановилось после этого... Удивительно то, что я догадывалась о чувствах Франца, но все равно его признание ста-

ло для меня неожиданным и полностью повергло в замешательство. Некоторое время я сидела спиной к компьютеру и, пропуская через себя волны противоречивых чувств, старалась придумать ответ. Скорее не ответ, а что-нибудь... но мое молчание все сказало за меня. Когда я обернулась к открытому чату, его уже не было в сети.

Мне не хотелось оставлять его без ответа. Молчание – знак согласия, в лучшем случае – знак сомнения, а мне никак нельзя показывать этого.

Аврора: Франц, тебе лучше забыть об этом. Уверена в том, что это временная симпатия, и она обязательно пройдет...

Я отправила это сообщение и выключила компьютер. Не получалось думать о работе, совсем...

Позвонил Гай и предупредил о том, что скоро будет на месте. Я взяла сумку, стопку распечатанных листов под руку и, погасив свет, вышла из кабинета. В офисе уже никого не было. Я шла по пустому коридору, стены которого были завешаны картинами, встретила охранника, которому отдала ключи, и вышла на улицу.

Дождь прекратился, но сырость после него осталась. В воздухе смешались запахи мокрой травы и влажного асфальта. Я не заметила, как оказалась посередине большой лужи, опомнившись, поняла, что ноги в замшевых туфлях на

небольшом каблуке уже совсем мокрые. Как раз в этот момент ко мне подъехала машина Гая.

– Привет, – он улыбнулся мне, когда я села в машину, – ты почему такая замученная?

– Много работы, – сказала я.

– В последнее время она тебя сильно утомляет. Может, уволишься?

– Зачем?

– Не вижу смысла тебе работать, – он завел машину, – я зарабатываю достаточно, ты бы могла просто заниматься домашними делами, когда мы станем жить вместе. Ну и писать свои книги... если тебе так хочется.

– Я не ради денег работаю...

– А ради чего?

– Не важно, – я уставилась в окно напротив, за которым нарисовался красивый закат, – мы уже столько раз обсуждали эту тему. И ты по-прежнему просишь меня уйти с работы.

– Я забочусь о тебе, Аврора.

– Нет, ты защищаешь свои интересы.

– О Господи, что с тобой такое? Неудачный день?

– Обычный. Просто не нужно просить меня уволиться с работы. Я уйду тогда, когда найду что-нибудь интереснее.

– Я не хочу, чтобы ты работала, когда мы поженимся. Можешь забыть об этом, – сказал он твердо, со спокойным выражением лица, – если хочешь быть моей женой.

– Не ставь мне условий, Гай...

– С тобой по-другому не получается. Мне не нравятся эти странные мужчины, с которыми ты общаешься на работе, какие-то они подозрительные, в смешных шарфиках, с дурацкими шуточками. Строят из себя писателей.... А про женщин я вообще молчу. Чего стоит только одна Софи...

– Прекрати оскорблять моих знакомых.

– Они даже не твои друзья. Не понимаю, зачем ты их защищаешь...

– Потому что ты с ними не знаком и судишь их поверхностно.

– Сколько «бывших» было у Софи? Десять, двадцать?

– Почему меня должно это беспокоить? Или тебя?

– Не хочу, чтобы ты общалась с подобной компанией.

– Бесполезно... – я вздохнула, – лучше молчать...

– Согласен. Тем более, когда нет достойных и уместных оправданий.

– Ну вот, доехали... – Гай нарушил молчание, которое мы хранили во время всего пути.

– Зайдешь?

– Хорошо, – на его лице появилась тень улыбки, – зайду, но ненадолго.

Я открыла дверь ипустила в квартиру первым Гая. Он разулся и прошел в гостиную, я еще некоторое время стояла в прихожей и смотрела на себя в зеркало. Уставшая,

с небрежным пучком, поспешно собранным на затылке, в свободной льняной кофте, заправленной в джинсы. И с каким-то потерянным взглядом, который, надеюсь, останется незамеченным мужчиной, который ждет меня в своих объятиях, сидя на диване.

– Будешь чай? – когда я зашла в комнату, Гай устало переключал каналы телевизора.

– Нет, не хочу ничего. Лучше иди, посиди со мной.

Я легла на диван и положила голову ему на колени. Он убрал с моего лица непослушные пряди волос и мягко улыбнулся.

– Обижаешься?

– Нет... я привыкла, что мы не понимаем друг друга.

– Все изменится, обещаю.

– Хочется в это верить.

– Что делала сегодня на работе?

– Редактировала книгу о психологии мужчин и женщин.

Она бы тебе не понравилась, противоречит твоим религиозным убеждениям.

– Обидно, что в наше время в книги заключают аморальный смысл... ведь они – хранители культуры. Наш век будут судить по этим самым книгам, которые пишут современные авторы. И как будущее поколение охарактеризует нас? Как людей, не верящих в Бога, людей, упустивших смысл жизни и гонящихся за мимолетными удовольствиями.... Страшно

сравнивать, какие ценности заключали в книгах до нас и теперь, во время нас. Мы деградируем, опускаемся все ниже и ниже по шкале человечности.

– Верно. Мне иногда приходится читать то, что совсем не хочется и то, с чем я не согласна, в этом, наверное, и есть единственный минус профессии редактора.

– Ну а твоя книга? – Он погладил меня по щеке. – Ты ее писала, пока была у родителей?

– Немного...

– И о чем она?

– О любви... – задумчиво произнесла я, смотря на плавающих рыб в аквариуме.

– А я и не сомневался. Все твои предыдущие романы тоже о любви.

– Этот роман будет особенным.

– Почему?

– Пока не знаю... мне так кажется.

– Писательница моя.

Гай поднял меня и усадил к себе на колени. Он поцеловал мои волосы и крепко прижал мою голову к своей груди.

Он никогда не говорит мне о том, как я ему нужна. Заключает в свои крепкие и теплые объятия, прижимается своей колючей щекой к моей щеке, вдыхает запах моих волос, умиротворенно закрывает глаза... и молчит. Однажды, во время ссоры, в порыве злости и отчаяния я закричала, что не нуж-

на ему, а он, стоя напротив и крепко сжимая мои пальцы в своей руке, спокойно сказал, что мужчина не должен говорить, как сильно нуждается в женщине, он должен сделать так, чтобы она сама это почувствовала.

Когда Гай ушел, я устроилась в мягком кресле у окна с горячей кружкой чая. Одиночество меня никогда не угнетало. Наоборот, чем больше я находилась наедине с ним (одиночество с некоторых пор олицетворяло для меня тихого и понимающего человека), тем сильнее привязывалась к нему. Но иногда хотелось разбавить его чем-то, и я навещала в гости к своим замечательным соседкам, которые относились ко мне с материнской заботой, угощали выпечкой и наставляли на путь истинный.

В этом и заключается моя жизнь в большом городе В... С тех пор, как родители уехали, она круто изменилась, несколько раз сделав полный поворот вокруг своей оси. И я до сих пор не могу привыкнуть к этим изменениям. Кажется, будто живу, будто существую, но не в своей жизни... возможно ли это?

Я задремала. Меня разбудил телефонный звонок.

– Алло, – сонно протянула я.

– Аврора! Ты не представляешь, что я тебе скажу!

Радостный голос Валери сразу же привел меня в чувства.

– Валери, как я рада тебя слышать!

– Ты сидишь? Если нет, то лучше сядь! Я тебе сейчас та-

кое скажу, – не могла уgomониться рыжая подруга.

– Сижy, говори скорее, не томи!

– Мы едем к тебе! Аврора, мы едем в большой город. Юху-ууу!

По моему телу прошелся ураган мурашек, конечности стали ватными. Радость вдруг охватила меня и закружила в невесомом танце, оторвав мои ноги от твердой земли. Радость и изумление, волнение и восторг застали мое и без того обеспокоенное сердце врасплох, и с тех пор оно билось, предвкушая долгожданную встречу...

Глава 2

Гай заехал за мной рано утром, и по пути на работу, узнав, что я не успела позавтракать, остановился возле кафе. Я заказала пасту в сливочном соусе с зеленым горошком и посыпанным свехусыром пармезан, аппетитно облизнулась и принялась за блюдо. Гай заказал себе зеленый чай, он позавтракал дома и на данный момент с улыбкой на губах наблюдал за тем, как я отправляю непослушные макароны в рот.

– Ты очень красиво ешь, мне нравится, – вдруг сказал он.

– Красиво ем? Это что-то новенькое.

– А ты говоришь, что я не делаю тебе комплименты.

– Говорю из-за вредности, – я вытерла губы салфеткой и улыбнулась ему, – кстати, мне нужно тебе кое-что сказать.

– Слушаю.

– Помнишь, я тебе рассказывала про Луиса, Валери и остальных ребят, которые живут в деревне?

– Помню, ты с ними познакомилась, и вы весело проводили время... – Гай сказал это с неким упреком, от чего я поежилась.

– Да, именно. Вчера звонила Валери...

– Она тебе каждый день звонит. И не только она...

– Они все приедут в город, и некоторое время проживут у меня...

– Что? – Гай не смог скрыть своего изумления, – зачем?

– Валери хочет поступить в медицинский университет, у Франца отбор в футбольную команду, а Луис и Тео за компанию, никогда не бывали в больших городах.

– Сказать, что я в шоке – ничего не сказать.

– Но почему? Они же мои друзья.

– Аврора, три взрослых парня в твоём доме? Тебе не кажется, что это слишком? – Гай нервно теребил в руках чехол телефона.

– Ну и что? С ними Валери. И вообще... – у меня в горле все пересохло, и я потянулась за стаканом воды, – мы очень сблизились.... Их семьи хорошо общаются с моими родителями, я не могу отказать им.

– Я не удивлюсь, если узнаю, что ты сама их позвала!

– Да, сама. Потому что не вижу в этом ничего плохого. Я говорила им, что если они приедут в город, могут остановиться в моём доме.

– Я в шоке.

– Если Валери поступит, она останется жить в моей квартире.

– А если Франц пройдет отбор, тоже будет жить с тобой? – язвительно поинтересовался Гай.

– Нет... Послушай, я понимаю, как ты сейчас чувствуешь себя. Но я вас познакомлю, ты убедишься, что они хорошие люди, вы подружитесь.

– Не уверен.

– Гай, не будь таким резким...

– Мне нужно подумать обо всем.

– Как всегда, – я закрыла лицо ладонями, – ты даже не хочешь меня понять.

– Официант, принесите счет, пожалуйста, – сказал Гай мимо проходящему парню, – Аврора, собирайся, я отвезу тебя на работу.

– Если хочешь, можешь позвонить моим родителям...

– Зачем?

– Папа любит Луиса как собственного сына.

– Прекращай, я опаздываю на работу.

Я глубоко вздохнула и встала из-за стола. Гай укрылся от меня своим хладнокровием словно бронежилетом, и уже никакие мои уговоры не способны были смягчить его.

– Когда они приедут? – спросил он, когда я собиралась выйти из машины.

– Через неделю...

– Понятно.

– Пока, – я хлопнула дверью и быстрыми шагами направилась к зданию типографии.

– Аврора, доброе утро!

В лифте я встретила Роберта, высокого худого писателя с торчащими в разные стороны темными волосами и с небрежной щетиной.

– Оно не совсем доброе, – сказала я, нажав кнопку этажа.

– Не у тебя одной. Отказались напечатать мою новую книгу, я в отчаянии.

– Почему?

– Говорят, слишком много философских мыслей и слишком мало интересных сюжетных линий.

– Мне жаль, – я положила руку на плечо подавленного мужчины, – просто они ничего не понимают в настоящей прозе.

– Это так грустно.

– Согласна.

– Я теперь на долгое время впаду в глубокую депрессию...

– Как я тебя понимаю. Кажется, я уже впала...

– Может быть, поужинаем вместе? – мужчина сощурил свои темные глаза и улыбнулся мне, – тогдамы сможем поднять настроение друг другу.

– Прости, но у тебя сегодня неудачный день во всех смыслах.

– Это значит, ты мне отказала?

Я вместо ответа кивнула и вышла из лифта. Напоследок наградила его самодовольным взглядом, от которого он нахмурился. Не люблю наглых мужчин, особенно таких, которые уверены, что любая женщина в мире мечтает поужинать с ними. Роберт писал книги, которые к тому же печатались, и он относился к тем многочисленным холостякам, не желающим жениться в ближайшие лет двадцать, и прожигающим свою жизнь среди молоденьких девиц, покоренных пи-

сательским даром.

– Аврора, – в коридоре меня догнала Софи, – доброе утро. У меня завтра день рождения, мы собираемся с девочками сходить в бар. Я приглашаю тебя.

– Спасибо, – я окинула блондинку в ярко-красном платье с глубоким декольте взглядом, который ее рассмешил.

– Слишком глубокое, да?

– Эмм... – я почесала затылок, – для меня да, но тебе к лицу красный.

– Забавная, – она потрепала мои волосы, – присоединяйся к нам, будет весело.

– Постараюсь, дорогая, – сказала я, взмахнув своими длинными волосами.

Софи сделала комплимент моей прическе и позволила мне, наконец, дойти до своего кабинета. Я незамедлительно приступила к работе, закончила с первой книгой, принялась за вторую, пропустила обед. Честно говоря, я старалась отвлечься от настойчивых мыслей, нагло лезущих в мою голову, а работа в чем-то помогала этому. Но мысль о том, что через несколько дней я увижу Франца, не оставляла меня ни на секунду.

Что я почувствую, увидев его? Кажется, моя внезапная влюбленность к этому сероглазому парню уже угасала. Расстояние заглушает все, даже такие сильные чувства, которые заполняли меня почти все лето. Мне хотелось верить в то,

что встретившись друг другом, нас ничего не будет объединять кроме дружеского тепла, но я знала, что заблуждаюсь. Он в меня влюблен, и в его отношении ко мне ощущается еле заметное упорство, а я в свою очередь пытаюсь убедить себя в том, что не испытываю ничего.... Из-за страха.

Я не собираюсь расставаться с Гаем ради воздушных, прозрачных отношений с Францем. Позволить нашей истории продолжаться – как отправиться в далекое плавание без корабля на маленькой непрочной лодке. Риск застать сильнейшую бурю очень велик; я могу утонуть в этом человеке словно в открытом, переменчивом море.

Кроме того, я не могу причинить боль Гаю. Я люблю его. Пусть и эту своеобразную любовь невозможно объяснить словами. Но она есть, она совершенно реальна, более того, она крепка. Ее не исчерпать ничем, она выросла в мое сердце подобно тому, как корни дерева врастают в твердую почву, зная, что найдут там убежище.

Я предала нашу верность. Еще в тот момент, когда увидела Франца и позволила своим ногам оторваться от земли.... Разве я могла противиться этому? Может быть, и не могла, но это не успокаивает меня, когда я смотрю на свое отражение в зеркале. Я вижу предателя, который не смог подавить безумное влечение и разочаровал в первую очередь сам себя.

Поверьте, если человек уважает себя, то не избежит душевных терзаний, не важно, насколько далеко он сбился от своего правильного пути. Даже малейший, незначительный

шаг в другую сторону – это уже измена. А те, кто этого не признают, просто тешат себя иллюзиями и пустыми оправданиями.

К счастью, рабочий день подошел к концу, и я почти выбежала из этого душного помещения на свежий воздух. Погода исправилась, и кусочек лета все-таки остался в большом городе В... Я решила прогуляться пешком до метро, не хотелось звонить Гаю, тем более, я прекрасно понимала, чем вызвано его недовольство. Но я слишком сильно хотела увидеть мою волшебную четверку и ни за что на свете не смогла бы отказаться от времени, которое могу провести с ними.

Во мне произошли яркие перемены, вызванные предвкушением встречи с ними. Осенняя хандра отошла на второй план, появилось желание прикупить новой одежды, изменить прическу и сделать пирсинг. Эта идея давно таилась в моей безумной голове, но ее всячески пытался изгнать оттуда Гай. Проснувшись сегодня утром, я поняла, что мне хочется совершить какой-нибудь поступок, выходящий за грани моего целомудрия. И по дороге к метро я зашла в тату-салон.

Мне прокололи хрящик уха, и я, довольная тем, что поборола еще один свой страх, с приливом странного энтузиазма, вернулась домой. С порога мне в нос ударил аппетитный запах еды, я застала на кухне Рене, она тихо напевала какую-то французскую песенку и мешала на сковороде деревянной

лопаткой белые шампиньоны.

– Аврора, – она встретила меня своей белоснежной улыбкой, – я решила приготовить твои любимые шампиньоны. Разговаривали с утра с твоей матерью, и она напомнила мне, как ты их любишь.

– Да, очень люблю, – сказала я, вдохнув чарующий запах.

– Рассказывай, – Рене вновь повернулась к плите, когда я опустилась на стул возле окна с нежно-голубыми занавесками, – как на работе дела?

– Как обычно. Сегодня один писатель хотел пригласить меня на ужин, но я красиво ему отказала.

– Только Гаю не говори об этом, ему и так не нравится твоя работа.

– Гаю вообще не нравится, когда женщина работает.

– И я его могу понять, – Рене тоже села за стол, напротив меня, – ты такая хорошенькая, страшно отпускать на работу, где много голодных мужчин.

– Которым нет до меня никакого дела, – резюмировала я.

– Сама-то веришь, в то, что говоришь?

– По крайней мере, мне хочется верить в это. Я так устала от всего, честно.

– Моя милая, – Рене заботливо погладила меня по голове, – что с тобой такое? Я думала, ты хорошо отдохнула, набралась сил. Аврора, ты проколола себе ухо? Совсем обезумела?

Взгляд Рене упал на мое красное ухо. Я засмеялась, по-

смотрев на ее ошарашенное лицо.

– Это всего лишь пирсинг, – сказала я, переведя дыхание после приступа смеха, – а у тебя такое смешное лицо, будто я сделала на лбу татуировку.

– Даже не знала, что в этом месте можно вставить сережку, – она покачала головой.

– Теперь знаешь, – хихикнула я.

– Несносная девчонка.

– Кстати, хотела поделиться с тобой. Ко мне приезжают друзья, я так хочу познакомить их с тобой.

– Знаю, твоя мама говорила.

– Они так отличаются от всех людей, которых мы с тобой встречаем в городе. Ты увидишь.

– Хорошо, дорогая, – Рене поправила свои волосы и снова принялась за готовку.

Шампиньоны получились вкусными. Мы с Рене наелись их до обжорства, после устроились на диване, посмотрели старую, но самую любимую экранизацию «Гордость и предубеждение» по книге Джейн Остин. Когда Рене заснула, прижав к себе свои острые коленки, я накрыла ее пледом и вернулась на кухню.

Два часа я посвятила своей книге. Мне оставалось дописать последнюю главу и отдать ее на оценку писательнице, с которой мы познакомились благодаря моей работе. Это первый роман, о котором хотелось рассказать. И он с первой и

до последней страницы должен был быть обо мне. Странно обнажать перед читателями свою душу, открывать ее совершенно незнакомым людям, но порой это становится необходимостью. Тогда, когда в жизни наступает переломный момент, когда понимаешь, что собственные мысли заводят в тупик. Так и появляется книга, где множество страниц, исписанных одними лишь ощущениями.

Однажды я подумала о том, что могу помогать людям. Тем, что пишу. Вдруг у кого-то такая же история, как и у меня? И как минимум, когда он будет читать мою книгу, подумает о том, что не одинок в своих переживаниях.

В детстве я написала маленький рассказ, в который вложила все свои переживания. Совершенно случайно мама нашла его и прочитала. И, как мне казалось, с этого дня ее отношение ко мне изменилось. Она стала разговаривать со мной. Долгими вечерами, когда отец задерживался на работе, мы с ней говорили обо всем, и благодаря этому, у меня никогда не было секретов от нее. Это я и называю особой связью, которая соединяет нас за много километров друг от друга. Связь, которая с годами не пропадает.

- Алло, – я ответила на телефонный звонок.
- Аврора... – голос Гая звучал тревожно.
- Что случилось?
- Мне придется на две недели уехать в другой город из-за работы. Ничего не могу сделать, чтобы отказаться от этой

командировки.

- А зачем от нее отказываться?
- Я не хочу оставлять тебя наедине с этими парнями.
- Ты о ком?
- О твоих друзьях из провинции.
- Гай... – я глубоко вздохнула, – мы друзья. Они младше меня, намного... нет причины беспокоиться.
- Не знаю... – немного помолчав, сказал он.
- Что ты не знаешь?
- Ты любишь меня?
- Да, – искренне сказала я, – ты не веришь мне?
- Верю.
- Когда уезжаешь?
- Через два дня.
- Так скоро...
- Я приеду завтра к тебе. Поговорим.
- Хорошо, родной. Пока.

Гай уезжает.... Франц приезжает. Ирония судьбы или нелепая случайность? Я уронила голову на руки, вытянутые на столе. От чего-то неприятная дрожь прошла по всему телу. Если жизнь бросает мне вызов, я приму его... только не знаю, достойно или же недостойно. В любом случае, во всем этом чувствуется неизбежность... моя неизбежность.

Глава 3

– Я уже скучаю... – Гай спрятал лицо в моих волосах, – целых две недели буду чувствовать себя как на ножах.

– Почему? – я слабо улыбнулась и провела пальцами по его колючей щеке, – побрился бы хоть, а то твои деловые партнеры не будут воспринимать тебя всерьез.

– Ты говоришь глупости, – он перехватил мое запястье, – скажи, что тоже будешь скучать.

– Буду.

– Мне иногда кажется, что у тебя ледяное сердце, и я все не могу растопить его своей любовью.

– Теперь глупости говоришь ты?

– Я просто не хочу уезжать.

– Посмотри на меня, – я взяла его лицо в ладони, – столько лет я не подводила тебя. И не подведу...

– Разочарование врывается в нашу жизнь внезапно и никогда не стучится перед тем, как войти в нее.

Я промолчала, потому что внутри себя согласилась с ним. Мы стояли напротив моего дома и уже минут двадцать прощались. Говорили друг другу нежности, но нам обоим казалось, что их не хватит на такой долгий срок, поэтому мы старались растянуть это время.

– Только отвечай на все мои звонки. Я знаю твой характер; увлечешься своими друзьями и совсем выпадешь из ре-

альности.

- Хорошо, буду спать с телефоном в руке.
- Не пропадай допоздна на улице...
- Гай, – я нахмурилась, – ты ведешь себя как мой папа.
- Как жаль, что твои родители не рядом с тобой.
- Мои родители доверяют мне, в отличие от тебя.
- Ладно, мне пора, через час самолет.
- Напиши, как только взлетишь и приземлишься.
- Аврора... – он крепко прижал меня к своему телу, – я приеду, и наша жизнь изменится.
- Почему? – у меня в висках застучало так сильно, что я ухватила за плечи Гая, чтобы не потерять равновесие.
- Я приеду и сделаю тебе предложение.

Я даже не заметила того, как по моей щеке скатилась слеза, которую Гай тут же вытер своими губами. Он поцеловал мой лоб, долго целовал мои веки и разомкнул объятия.

– До встречи, – сказал он и сел в машину.

Через окно Гай следил за моей реакцией. Догадываясь об этом, я вдохнула в легкие больше воздуха и улыбнулась ему. Послала воздушный поцелуй. Он показал жестом руки, что поймал его и с блестящими глазами отъехал от моей дрожащей фигуры.

Я бежала вверх по ступенькам, еле переводя сбивавшее-

ся дыхание. Бросилась к телефону, как только распахнула дверь квартиры. Мне хотелось немедленно поделиться новостью с мамой. Но как только я нажала на вызов и тихие гудки эхом отозвались возле моего уха, засомневалась. Не знаю, что именно служило причиной моего сомнения, ведь каждую мать обрадовала бы новость о том, что ее дочь скоро выйдет замуж, да еще за такого идеального мужчину как Гай. Я оправдала себя тем, что он еще не сделал мне официального предложения и стоит рассказать родителям, когда у меня на пальце уже будет сиять колечко.

Этот вечер оказался для меня не менее напряженным, чем утро и весь прошедший день. Я не могла отвлечься ничем; ни написанием своего романа, ни прочтением другого, ни просмотром фильма, ни разговором с Валери. Я словно сумасшедшая ходила из одной комнаты в другую, отмеряла шагами всю квартиру, всматривалась в потолок, стены, обклеенные светлыми обоями в мелкий цветочек. Когда мои нервы окончательно сдались, я заключила себя в ванной, встала под холодный душ, который привел меня немного в чувства.

Гай отправлял любовные сообщения уже из другого города, видимо, его переполняли романтические чувства. Я отвечала на них, ласково и нежно, при этом изо всех сил старалась держать свое сердце в грудной клетке, с каждой секундой казалось, что оно вырвется оттуда и переломает мне

все кости. Наконец я заснула, под двумя теплыми одеялами и с телефоном в руке.

Наутро выяснилось, что я простудилась. Рене зашла отдать почту и застала меня, совершенно обессиленную, в постели. Она потрогала мой лоб, недовольно поморщилась и пошла за градусником.

– Почти 38,9! – она с горечью вынесла вердикт, сидя у моей кровати.

– Неудивительно, я чувствую себя в невесомости. Знаешь, так даже спокойнее.

– Ну что ты опять такое говоришь! Позвоню лучше твоей матери.

– Не нужно, – запротестовала я, – она станет беспокоиться обо мне. Ведь ничего серьезного не случилось, всего лишь температура.

– Очень высокая.

– Бывает. Сейчас выпью чая с лимоном и все пройдет. Я просто обязана выздороветь до среды.

– А что в среду?

– Друзья приезжают. Не могу же я их встретить вот так, в постели... – я вздохнула.

– Деваться некуда, – Рене развела руками, – пойду, приготовлю тебе чай и принесу таблетки.

– Спасибо, дорогая Рене. – Жалобно проскулила я и укуталась с головой в одеяло.

Не буду делиться теми мыслями, которые кружились над моей головой, пока я два дня, больная и глубоко задумчивая, лежала в кровати. Иногда человеку хочется найти время для того, чтобы подумать, полежать в тишине, закрыть глаза, остаться наедине с собой и со своими мыслями. А когда это внезапно случается, ему хочется убежать от самого себя. Он понимает, насколько запутан и потерян в себе, и ему легче снова забыться, окунувшись в шумный круговорот своей жизни.... Наши мысли заводят нас в тупик.

Поэтому, проще сказать себе «не думай» и отвернуться к стенке, но лучшее лекарство от собственных мыслей – книга. Ты переносишься в чужую жизнь, забыв о своей, переживаешь чувства, неизвестные тебе ранее. Поэтому, все это время я проводила с книгой в руках.

Кроме того, я получала смски, полные заботы и любви от своих друзей. Валери и Луис звонили мне несколько раз в день, Тео и Франц реже, так как были заняты тренировками. Особенно Франц, он готовился к отбору, и все свое свободное время проводил на футбольном поле. Но все равно не забывал обо мне и каждые два часа спрашивал, как я там... Родители тоже звонили, когда я говорила с мамой, сдерживала себя, чтобы не рассказать про Гая и его планы относительно нашего с ним будущего.

Время идет слишком медленно, когда ты ждешь, и несет-

ся со скоростью света, когда ты наслаждаешься тем, чего так долго ждал. Возможно, в этом заключается весь смысл мироздания. Мы учимся ценить то неповторимое мгновение, которое подарила жизнь.

Все эти дни до встречи с ними я считала часы, минуты, иногда даже секунды. И мое счастье было безграничным, когда в квартиру сначала вошла Валери, моя нимфа с темно-медными, тяжелыми локонами на плечах, за ней Луис с искрящимися глазами, Тео с блестящей улыбкой и Франц, при виде которого мое сердце запрыгало в груди. Я не могла угадать, что он переживал в миг нашей встречи, но я видела в его глазах настоящий восторг. Казалось, он не мог поверить, что видит меня наяву, стоял в прихожей, прислонившись к стене, с улыбкой наблюдал за мной. Я бросилась в распахнутые объятия Валери, мы с ней покружились по всей квартире, потом меня подхватил Луис, потом Тео, и я, наконец, оказалась напротив Франца. Не сдерживая своих эмоций, я повисла у него на шее, он, поддавшись внезапным чувствам, обхватил меня обеими руками за талию и притянул к себе. Мои глаза закрылись, словно под гипнозом, я вдыхала его запах, наполняя им все свои легкие.

Мы почувствовали неловкость, когда заметили удивленные взгляды в нашу сторону. Франц опомнился и отпустил меня, я отошла от него на несколько шагов и внезапно залилась громким хохотом. К счастью, мои друзья поддерживали меня, и мы минут пять смеялись как ненормальные, держась

за животы.

Когда все успокоились, какое-то напряжение, еле ощущаемое в воздухе, рассеялось, и мы все вместе уселись на большой диван.

– Я не могу поверить, что мы приехали, – Валери ухватила за голову, – просто не могу в это поверить.

– И я не могу поверить, – Луис взял мою руку и поцеловал ее, – красавица, мы так скучали по тебе.

Я чмокнула Луиса в щеку и снова обняла Валери. Ощущала внутри себя такую эйфорию... и совсем забыла о боли. Недомогание и температуру как рукой сняло.

– Простите, что я не смогла вас встретить. Так сильно жалею об этом.

– Брось, – сказала Валери, – мы приехали на такси. Нас подвез очень доброжелательный мужчина. Прокатились почти по всему городу, я просто в восторге.

– Все еще впереди, я покажу вам нашу большую деревню.

– Наша деревня ничто по сравнению с вашей деревней, – засмеялся Тео.

– Ваша деревня все равно лучше, – я подмигнула ему. – Вы не голодны? Рене приготовила лазанью, сама я еще утром была не в состоянии встать с постели.

– Увидела нас и выздоровела.

– Да, Луис. Я так рада, что вы приехали.

– А мы как рады, – он положил руку на мое плечо, – мы по тебе очень сильно скучали.

– И я скучала, родные.

Столько всего хотелось сказать им всем, но я потеряла дар речи. Никакими словами нельзя выразить свое счастье, если оно настоящее и безграничное. Как и печаль. Все самое искреннее мы переживаем душой, глубоко внутри себя, а не мыслями вслух.

Наши широкие улыбки говорили все за нас. Но недолго, конечно. Уже спустя час мы активно болтали обо всем на свете, делились теми моментами, которые прожили отдельно друг от друга. Ближе к вечеру к нам присоединилась Рене, она осталась в восторге от моих друзей и когда я ее провожала, успела шепнуть мне на ухо:

– Франц просто душка.

Я закатила глаза, Рене ущипнула меня за живот и убежала. «Ей ведь пятьдесят лет, а она ведет себя как ребенок. Смотришь на эту женщину в возрасте и не боишься стареть» – думала я по дороге в гостиную.

– Валери будет спать в моей комнате. Двое парней могут устроиться на диване, а кому-то придется поспать на полу.

– Я могу, – вызвался Тео, – полезно для спины.

– Это значит, я проведу ночь с Францем? – Луис театрально искривил лицо, – боже, только не с ним.

– А что, боишься не сдержаться? – усмехнулся Франц.

– Боюсь подцепить какую-нибудь заразу, – довольно про-

изнес Луис, уже чувствуя себя победителем в словесной схватке.

– Я бы сейчас сказал...

– Так говори.

– Тут девушки, помолчу, – Франц посмотрел на меня.

– Хватит вам собачиться, – вмешалась Валери, – сказала Аврора, что будете вместе спать, значит так и будет. Иначе придется вам провести ночь на улице.

– Ладно тебе, не заводись.

– Заткнись, – бросила Валери.

– Рыжая ведьма... – уже тише сказал Луис.

Мы с Францем все это время переглядывались и смеялись, Тео уже засыпал, уронив голову на спинку стула.

Мы с Валери постелили парням в гостиной, сами ушли спать в мою комнату. Нам всем хотелось побыть дольше друг с другом, не спать ночью, но усталость взяла вверх над желаниями и Франц, Луис и Тео спустя некоторое время погрузились в свои сны.

– Я так рада, что мы можем болтать с тобой перед сном, как в старые добрые времена, – сказала Валери, когда я потушила свет и легла рядом с ней.

– Думала, приеду в город, вновь окунусь в атмосферу своей прежней жизни. Но на деле все оказалось намного сложнее. Мне до ужаса хотелось вернуться в наше лето, – я повернула свое лицо к ней.

– И мне.

– Расскажи, как вы на это решились.

– Благодаря тебе. – Валери улыбнулась в полумраке. – Ты приехала, вся такая интересная, яркая, талантливая. И я подумала, что тоже хочу быть похожей на тебя. Нет, не книги писать... но добиться чего-нибудь в жизни. Родители былине против, они знают, что здесь я буду в твоих надежных руках.

– Как все удачно сложилось.

– А Франц и так должен был приехать сюда. Ты разве не знала?

– Знала.

– У него через неделю отбор. Он весь на нервах.

– Представляю. А у тебя когда экзамены?

– Через месяц, надеюсь, ты поможешь мне к ним подготовиться.

– Конечно. Все будет хорошо.

– Чудесная моя, – Валери обняла меня. – Расскажи, что у тебя нового?

– У меня... почти ничего. Работаю, заканчиваю роман.

– Как Гай? Ты же нас познакомишь с ним?

– Когда он вернется из командировки.

– А когда он вернется?

– Через две недели. Он сказал, что сделает мне предложение, когда приедет.

– Правда? – вскрикнула рыжая девушка, приподнявшись с постели.

– Тише ты, разбудишь парней.

– Аврора, – не унималась Валери, – ты выходишь замуж?

Я не знаю, плакать мне или смеяться.

– Спать, – ответила я, рассмеявшись, – а утром будет видно.

– Я не усну теперь.

– А ты представь, каково мне.

– Оу, – Валери снова упала на подушки.

– Сама не могу поверить в это... – прошептала я. Скорее тишине, чем рядом лежащей девушке. Она и не услышала, когда я повернулась, глаза Валери, обрамленные вереницей пушистых ресниц, были закрыты.

Этой ночью я почти не сомкнула глаз. В ночном спокойствии я слушала, как бьется мое беспокойное сердце. От того, что в соседней комнате лежит человек, с которым меня связывает невидимая нить судьбы. Я ведь не могла знать того, что он тоже не спит; его глаза были обращены к яркому полукругу на небе, а мысли заполнены мной до самых краев.

Глава 4

Я не могла дожждаться наступления утра. Снова и снова возвращалась взглядом к старым настенным часам, и как только стрелка циферблата приблизилась к шести, бесшумно поднялась с постели. Валери сладко спала, обняв подушку, я минуту любовалась ее красотой, после чего в ночной майке и коротких шортах вышла из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.